

КОМПОЗИЦИЯ «СЛОВА». Долгое время исследователей занимала К. С. лишь в связи с попытками ответить на два вопроса. Во-первых, почему последовательность изложения в С. отличается от действительной хронологии описываемых событий. И во-вторых, не являются ли некоторые эпизоды С. фрагментами иных произведений, впоследствии включенными в текст памятника. Поэтому предпринимались попытки путем перестановок реконструировать «правильный», авторский текст С. (см. *Перестановки в тексте «Слова»*), а также попытки обнаружить в тексте памятника вставные эпизоды (см. *История текста «Слова»*).

Но, анализируя К. С., более правомерно сохранить его текст в известном нам виде и выяснить, чем обусловлена последовательность его частей, поскольку в С. отчетливо выступает лирич. начало, а содержание составляют, помимо откликов на поход Игоря, также припоминания о различных событиях, произошедших за полтора предшествующих столетия.

Отсутствие в древнерус. лит-ре прямых жанровых аналогий к С. делает невозможным точно определить, что в его К. принадлежит традиции, а что рождено авторской волей.

С. начинается со вступления («зачина»), в котором автор сообщает о своих колебаниях или, как иногда интерпретируют исследователи, сомнениях в выборе формы. Автор излагает свои намерения, противопоставляя их тому, в каком роде стал бы восхвалять поход Игоря его предшественник — Боян. Из этого противопоставления ясно одно: дело не только в различиях стилистич., а в существо самой темы. Если Боян «пел» славы князьям-победителям, то автору С., слагающему песнь последнему походу Игоря, необходимо придерживаться правды и петь свою песнь «по былинам сего времени». «Былины» (действительные события) не располагали к их воспеванию. Предстоит «петь» не славу походу Игоря, а, по нашим понятиям, нечто вроде плача или даже «антиславы». Это автор осознает и это подчеркивает, воспроизводя манеру Бояна и его традиц. выражения и образы, явно противопоставляя им собств. подход. Считает ли он манеру Бояна просто «устаревшей», не ясно. Прямых указаний на это нет, как не существует в лит-ре этой эпохи указаний на осознание писателями и читателями существования временных изменений в стиле («старый» — «новый»): лит-ра, по-видимому, представлялась в те века неизменной.

Закончив вступление, автор обращается к описанию сборов Игоря в поход. Он сообщает о затмении солнца и приводит речь Игоря, ободряющего дружину: «Луце жъ бы потяту быти, неже полонену быти» (С. 5); содержание ее не оправдывается в дальнейшем — автор знает, что

Игорь был не «потят», а полонен. Игорь предлагает дружине: «да по-зримъ синего Дону» (С. 5–6), и это также не сбывается. Поэтому автор снова строит предположения — как воспел бы Боян поход Игоря, если бы он был победным. Между Игорем и *Всеволодом* Буй Туром происходит диалог через огромное расстояние, такой же, как в дальнейшем между ханами *Гзаком* и *Кончаком*. Такие диалоги князей, находящихся на далеком расстоянии друг от друга, имеются и в летописях того времени, очевидно, подразумеваются переговоры через послов.

Всеволод в своей речи ободряет Игоря. Ни одно из победных заявлений Всеволода также не оправдывается в дальнейшем. Всеволод говорит о своих воинах: «пути имъ вѣдоми, яругы имъ знаеми» (С. 8), но оказывается, что они терпят поражение «в полѣ незнаеме», «лучи у нихъ напряжени», но из Плача Ярославны мы узнаем, что солнце «имъ лучи (луки) съпряже» (С. 39), у них «тули отворени», т. е. готовы к бою и, следовательно, полны стрел, а в Плаче Ярославны говорится, что солнечный зной «тули затче», заткнул колчаны рус. воинам, т. е. лишил стрел.

За описанием приготовлений к походу следует рассказ о выезде Игоря в половецкую степь. Он сопровождается зловещими знаменьями. Не только солнце заступает путь Игорю, но и див кличет на верху древа, предупреждая все юж. и пограничные земли. Половцы бегут, и телеги их кричат как лебеди, а ранее упоминалось, что лебеди пели славу прежним князьям. Затем идет описание смен ночи и утра, первой удачной битвы, новых, еще более грозных предупреждений природы: с моря надвигается гроза, автор уже прямо предупреждает об ожидаемом дожде стрел, о громе великом. Половцы постепенно окружают войско Игоря.

Сама битва не описывается, есть лишь небольшой эпизод — рассказ о мужестве Всеволода. По-видимому, это как-то связано с тем, что автор прежде, при описании сбора войска в поход, особое внимание уделил именно Всеволоду. Кажущиеся беспорядочными отрывочные сведения о походе и битве отражают смятенность чувств автора и отнюдь не являются случайными. Постепенно эти отрывочные сведения начинают перемежаться с ист. припоминаниями, которые как бы обобщают происходящее в настоящем. Судьба *Олега Святославича* (Гориславича) — это судьба всего «Ольгова гнезда», к которому принадлежат и Игорь, и Всеволод. Разлука братьев на поле битвы — гл. личное несчастье обоих. Автор упрекает братьев за то, что они «разбудили ложь», усыпленную «отцом их» (т. е. феод. главой) *Святославом Киевским*, только что перед этим победившим половцев. Затем автор, после обращения к Святославу, повествует о сне, который видит Святослав в своем золотоверхом тереме в Киеве «на горах». Из истолкований боярами этого сна Святослав узнает о поражении Игоря. Неясно, узнает ли Святослав об этом после поражения, во время самой битвы или же пророчески, т. е. до поражения. В конце концов это не так важно, но существенно, что в предшествующем тексте рус. войско также изображено спящим перед битвой. Оба сна как бы параллельны. Такого рода сюжетные связи пронизывают собой С. и являются важными элементами его К., как бы объединяя различные темы памятника.

Поражение Игоря, сон Святослава, отражающий это поражение, и последующий призыв Святослава ко всем рус. князьям объединиться в своем отпоре натиску степняков являются как бы кульминацией С.

(о границах обращения Святослава см. *Злато слово*). Игорь и Всеволод не только наказаны за свое своеволие, но в каком-то смысле оправданы своими страданиями. За этим следует часть, обобщающая происходящее. И опять-таки автор С. учит на примере страданий родоначальника др. ветви рус. князей *Всеслава Полоцкого*. Всеславичи, так же как и их противники Ярославичи, призываются к примирению. Эту часть С. объединяет признание общих страданий всей Русской земли: «О, стонати Руской земли, помянувшѣ пръвую годину и пръвыхъ князей!». Но рознь продолжается и поныне из-за распри князей: «розно ся имъ хоботы пашуть» (С. 37).

Затем следует часть, которую можно определить как катарсис. Игорь прощен. Автор обращается к его личной судьбе как бы через плач его жены — *Ярославны*. Она обращается к природе, как Святослав только что обращался к князьям. Тем самым гос. тема сменяется личной. После обращения Ярославны к природе (ее плач на гор. стене Путивля) отношение природы к Игорю резко меняется. Вместо грозных предупреждений природа заботливо помогает Игорю бежать из плена. В новой роли выступает и Боян, который произносит оправдывающие его бегство слова: «Тяжко ти головы кромѣ плечю, зло ти тѣлу кромѣ головы». Боян, появляющийся снова, как бы подчеркивает кольцевое оформление К. С. С точки зрения этой К. появление второго певца *Ходыны* не является необходимым. Скорее всего, это ошибочная конъектура исследователей, не посчитавшихся с К. и поэтикой памятника. Нет никаких оснований часть С., которую мы называем катарсисом, считать полностью или частично добавленной позднее: она вполне закономерно присутствует в С. Катарсис, согласно Аристотелю, делает героя способным продолжать дальнейшую борьбу. Поэтому после удачного побега Игоря из плена и его возвращения на Русь (Киев для автора — центр Руси, и поэтому совершенно закономерно, что в С. говорится о приезде Игоря именно в Киев) следует заключит. здравица всем рус. князьям, а не только участникам похода, здравица за всю борьбу, которую они и их дружины ведут и вели с врагами Руси: «Здрави, князи и дружина, побарая за христьяны на поганья плъки!» (С. 46).

Мы неизбежно приходим к выводу, что К. С. подчинена эмоц.-лирич. требованиям и не имеет отношения к ист. или иной повествовательности, в которой соблюдалась именно хронол. последовательность описываемых событий.

Лит.: Ржига В. Ф. Композиция «Слова о полку Игореве» // *Slavia*. Praha, 1925. Roč. 4. Seš. 1. S. 44–62; *Груньский М.* Форма та композиція «Слова о полку Игоревім» // *Зап. Іст.-філол. відділа Укр. АН.* 1928. Кн. 18. С. 1–24; *Еремін І. П.* «Слово о полку Игореве» как памятник политического красноречия // *Слово*. Сб. — 1950. С. 93–129; *Демкова Н. С.* Проблемы изучения «Слова о полку Игореве» // *Чтения по древнерус. лит.-ре.* Ереван, 1977. С. 82–106; *Лихачев Д. С.* 1) Поэтика повторяемости в «Слове о полку Игореве» // *РЛ.* 1983. № 4. С. 9–21; 2) Предположение о диалогическом строении «Слова о полку Игореве» // Там же. 1984. № 3. С. 130–144 (то же: *Исследования «Слова».* С. 9–28); 3) Катарсис в «Слове о полку Игореве» // *Лихачев. «Слово» и культура.* С. 249–252.

Д. С. Лихачев